

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск,
Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

Рец. на кн.: Зильбер А. П. Врачи-труэнты: Очерки о врачах, прославившихся вне медицины. – Санкт-Петербург: Арка, 2013. – 460 с.

Уважаемый читатель, хочу предупредить, что мое обращение к книге Анатолия Петровича Зильбера не есть вторжение непосвященного в неизвестную ему сферу – медицину. Я буду говорить лишь о той грани его деятельности, которая близка мне и сродни моим занятиям. Тем не менее, опираясь на многочисленные источники, не могу избежать искушения и не сказать об определяющей, известной многим деятельности врача А. П. Зильбера. Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии медицины, организатор в Петрозаводске первого в России отделения респираторной терапии, заведующий кафедрой Петрозаводского государственного университета, автор концепции медицины критических состояний, создатель самостоятельного курса анестезиологии-реанимации, заслуженный деятель науки РФ, народный врач Карелии, почетный гражданин Петрозаводска, кавалер многих орденов, медалей, почетных знаков. Автор свыше 450 печатных работ, среди них более 40 монографий. Ученый с мировым именем, чьи лекции по проблемам интенсивной терапии слушали врачи не только ближнего зарубежья, но и Австрии, Англии, Швеции, Финляндии, США, Израиля, Венгрии, Канады. Организатор ежегодных учебно-методических семинаров по проблемам медицины критических состояний. Школа Зильбера, функционирующая под эгидой Европейской ассоциации анестезиологов, собрала в октябре этого года в 51-й раз семинар, на который съехалось более 300 врачей для повышения уровня теоретических знаний и внедрения в практику новейших достижений медицины критических состояний и получения специального сертификата.

Добавлю к этому личное – от пациента. В 2002 году, оказавшись по скорой в отделении реанимации Республиканской больницы где-то около шести утра, увидела у своей кровати врача, которым, как позже узнала, был А. П. Зильбер. Вскоре состоялось наше знакомство, благодаря которому становлюсь счастливой обладательницей его книг. Появление в отделении в 4–5 часов утра для него, считающего это время очень важным для медицины критических состояний, имеющей дело с больным в пограничном между жизнью и смертью состоянии, – норма, повседневность, которой он придерживается всю жизнь, вплоть до сегодняшнего дня. Видимо, та-

кие наблюдения обостряют, усиливают осознание ценности жизни, когда врачевание рождает отдельную философию – человековедение. Врач, утверждает А. П. Зильбер, прежде всего человек, способный к сопереживанию. В замечательной книге «Легенды и реалии профессионального врача» (Петрозаводск, 2005) он приводит слова британского врача Томаса Сиденгама, который на вопрос, что следует читать, чтобы стать хорошим врачом, ответил, не задумываясь: «Читайте “Дон Кихота” Сервантеса. Он умел сопереживать людям, попавшим в беду».

Упомянутая книга – лишь одна из более 50 работ А. П. Зильбера, посвященных другой стороне его деятельности – пропаганде гуманитарной культуры. Их доминанта – гуманитарная культура и духовное развитие должны быть фундаментом общего образования и профессионального опыта любого специалиста, а врача особенно. Гуманитарное просветительство Зильбера – производное длящегося уже более 60 лет страстного увлечения медицинским труэнтизмом. Приведу определение этого социологического феномена, принадлежащее доктору Зильберу: «Медицинский труэнтизм – это плодотворное устремление врачей к полезной творческой деятельности вне медицины». Со студенческой скамьи «фанатичный коллекционер материалов по медицинскому труэнтизму», как он сам себя называет, Анатолий Петрович собирает и анализирует материалы о врачах, добившихся успехов и славы вне медицины. Его уникальная картотека, заключающая колоссальный объем знаний по истории культуры в ее разных проявлениях, насчитывает сегодня свыше трех тысяч досье, оформленных в соответствии с принятой им классификационной схемой и твердыми требованиями. Их фигуранты – философы и археологи, дипломаты и историки, астрономы и математики, музыканты и писатели, физики и геологи, политические деятели и главы правительств и др. Являясь не просто информацией или регистрацией каких-то данных, такое персональное дело оказывается итогом глубокого и длительного изучения материалов, каковыми становятся для собирателя многочисленные источники, прежде всего широкий спектр разнородной литературы от античности до наших дней, целенаправленные визиты в отечественные и зарубежные архивы, библиотеки, музеи, переписки, контакты и лич-

ные встречи, сопряженные с разысканиями и поисками редких изданий, документов, фотографий и т. д. Теперь эта картотека – плод огромного труда в обобщенном и концентрированном виде – воплотилась в уникальное трехтомное сочинение «Врачи-трузэнты», первый том которого уже предъявлен читателю. 15 глав тома – это 15 оригинальных, самостоятельных повествований, в каждом из которых личность врача становится основанием для полнокровного разговора о какой-то отрасли истории мировой культуры или образования. Так, стержнеобразующей фигурой второй главы «Британский музей начинался на Ямайке» стал доктор Ханс Слоун – создатель Британского музея, первого государственного и общедоступного до сегодняшнего дня. Врачи, стоящие у истоков книгопечатания, журналистики, первых газет, книжной графики в мире и России, в частности, объекты изображения третьей («Мифы и реалии книгопечатания»), четвертой («Сколько монет в названии газеты “Копейка”?) и пятой («Экслибрис: НОТ или искусство»?) глав, содержащих массу интересных и малоизвестных фактов (например, о том, что врач и политик Жорж Клемансо имеет отношение к знаменитому в связи с делом Дрейфуса письму Золя, которому он дал хлесткое название «Я обвиняю!»; о российском враче П. М. Ольхине, издателе, редакторе, авторе оригинальной системы и руководства по стенографии, основателе в 1861 году и ныне существующего журнала «Вокруг света», именно Ольхин направил к Ф. М. Достоевскому А. Г. Сниткину, сыгравшую известную роль в его жизни и творчестве). Не менее содержательны другие десять глав книги, рассказывающие об истории библиотек и библиотеке Соловецкого монастыря особо, о месте в русской культуре разных поколений семьи Боткиных, о докторе Фридрихе Шиллере в литературе и музыке, о замечательных коллекционерах живописи, музыкальных инструментов (первой в мире женщине-анестезиологе Вирджинии Апгар) и многих других врачах-трузэнтах. Последняя, 15-я, глава «Интеллигентность и медицинский трузэнтизм» с подзаголовком «вместо заключения» особая. Утверждая, что трузэнтизм – составная часть интеллигентности, автор книги размышляет о том, что такое интеллигентность вообще и каковы характерологические черты интеллигентного врача. И, как всегда, апеллирует к разным источникам и личностям, среди которых для меня лично малоубедительной и нежелательной является фигура посредственного писателя П. Д. Боборыкина, тем более так и не ставшего врачом. А то, что интеллигентность, настаивает Зильбер, категория нравственная и под ней следует понимать прежде всего порядочность, честность, неспособность к низким поступкам, пристойность поведения, заставляет вспомнить концепцию интеллигентности великого Д. С. Лихачева.

В книге А. П. Зильбера впечатляет диапазон источников, широта охвата материалов – все это знаки разностороннего гуманитарного знания, огромной начитанности, редкой сегодня эрудиции (стоило мне в разговоре упомянуть книгу Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», тут же последовала реакция Анатолия Петровича, который процитировал наизусть гимн швамбран и вспомнил несколько замечательных высказываний маленького героя книги – путаника Оськи). Не менее впечатляет, как прочитанное осмыслено и обжито, как оно интерпретируется, как обнаруживаются новые смыслы. Один из поразивших меня примеров – гениальный роман XVI века Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (доктора Рабле, которому среди прочих принадлежат термины «терапия» и «ангина»). Филологи знают, как непросто воспринимается и понимается воплощенная в романе народная смеховая культура, его гротескный реализм, гротесковые материально-телесные образы, и «телесного низа» в частности. Именно они прежде всего обращают на себя внимание читателей и комментаторов этого произведения. Исключительно внимательный и целенаправленный читатель, А. П. Зильбер усмотрел в романе редко отмечаемый мотив и смысл, процитировав письмо отца-великана Гаргантюа сыну-великану Пантагрюэлю («Я хочу лишь вдохновить тебя на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно...»), письмо, в котором отразилась гуманистическая программа самого Рабле.

Глубина прочтения, внимание к деталям позволяют Зильберу обнаруживать неожиданные смыслы, улавливать, акцентировать новые значения, нюансы и даже грани в рассматриваемых специально или упоминаемых по ассоциации античных мифах, Библии, произведениях художественной литературы («Капитанской дочке» А. С. Пушкина, «Мастере и Маргарите» М. Булгакова, новелле И. Бабеля «Гюи де Мопассан», «Разбойниках» Ф. Шиллера и т. д.). Талантливый истолкователь художественного текста – одна из ипостасей Зильбера-повествователя. Он становится экскурсоводом-искусствоведом, когда «прочитывает» и комментирует представленные в книге живописные работы из различных музеев мира. Наконец, пристрастный лингвист, неизменно озабоченный документированным выяснением, толкованием значения слова, формулированием и этимологией многочисленных терминов (начиная с истории самого понятия «термин» в подглавке «Почему римский бог Терминус и славянский Чур были против войны?»). Он многократно расширяет границы словоупотребления, воспроизводя в речевом обороте забытые или малоизвестные слова. Одно из них – особо почитаемое им слово «кводлибет», которое широко использовалось в Средние века в университетах и означало торжественный сло-

весный и интеллектуальный поединок, полемику. Зильбер упорно и методично адаптирует это слово в современном обиходе, практикуя кволибеты среди своих студентов. Разноязычные словари – неперенные источники и инструменты в его тексте, редкая страница которого обходится без лингвистических изысканий.

Отличительное свойство книги Зильбера – ярко выраженный индивидуальный стиль. Размышляя в первой главе, как структурировать материал, каковой должна быть форма изложения, он называет такие литературные жанры, как очерк и эссе. И хотя в подзаголовке книга определена как «Очерки о врачах...», ее главы со свободной композицией, допускающей отвлечения и ассоциации, с вопросами и размышлениями, многочисленными авторскими отступлениями («Я буду позволять себе подобные отвлечения на протяжении всей этой и следующих книг, и у читателей, которые не согласны с таким подходом, я заранее прошу прощения и предлагаю не мучить себя, а пропускать подобные отступления или даже вообще отложить книгу в сторону» (с. 130), нередко публицистическими, порой даже гневными, особенно когда речь идет о современности – невежестве, бескультурье, чиновном произволе («...и не худо бы и в нашей стране сделать попытку остановить разгул средневекового медицинского шарлатанства, расцветающего не только из-за объективных трудностей государственного здравоохранения...» (с. 21), убедительно свидетельствуют, что жанрово книга Зильбера – синтез эссе и очерка, восходящий к бессмертным «Опытам» М. Монтеня, которые являются для него образцом самовыражения.

Одна из пронизывающих «Врачей-труэнтов» интонаций, обеспеченных бесценным качеством, которым щедро одарен автор, юмористическая. Без этого органического чувства юмора не было бы в повествовании (и в заголовках подглавок) так обогащающей его иронии, иногда самоиронии, цитируемых каламбуров, остроум-

ных анекдотов, шуточных песенок и частушек. А как хороши многочисленные юмористические ремарки или постраничные примечания. Приведу один из таких пассажей: «Те, кто не читал “Дракона” Е. Л. Шварца и другие его пьесы, могут пойти и организованно утопиться, потому что они все равно *не живут...*» (с. 359).

Живой авторский голос присутствует на всех уровнях повествования, о чем непосредственно и выразительно заявлено в последней части первой главы «Упреждающая аналгезия автора». Вот выдержки из этого своеобразного манифеста: «Книга – не справочник и не фундаментальное руководство по медицинскому труэнтизму. Основная цель книги – просвещение и гуманитарное воспитание читателей, с возбуждением их любопытства и стимуляцией любознательности»; «Эта книга очень личная...»; «Я и сегодня призываю своих читателей сомневаться и удивляться...»; «...свою главную задачу вижу в том, чтобы разжечь любопытство читателей к поиску»; «...книга писалась не один день, хоть и на едином дыхании. Вдох состоялся в 1949 году на II курсе I ЛМИ, а выдох пока не состоялся». И действительно, сегодня, когда рукописи очередных томов находятся в издательстве, поиски и разыскания продолжаются, не прерываясь ни на один день.

В начале 2000-х годов мне довелось присутствовать на прекрасном творческом вечере петрозаводского поэта, барда А. Жидкова, врача-анестезиолога одной из больниц, которого Анатолий Петрович не без гордости представлял и как своего ученика-медика, и как единомышленника-труэнта, строчки которого «Нужно быть на свете этом // Хоть немножечко труэнтом» цитируются в книге. Не «немножечко», а в полную силу страстное увлечение, гуманитарно-просветительская деятельность выдающегося доктора и уникального труэнта Анатолия Петровича Зильбера блистательно воплотились в его, несомненно, художественной книге.

Поступила в редакцию 25.11.2014